

Адриан Тёты

ЗАГАДКА ВЕРСАЛЬСКОГО ДВОРЦА

Буйно, весело, экстравагантно
и головокружительно.

Le Journal du Dimanche

Адриен Гётц
Загадка Версальского дворца
Серия «Азбука-бестселлер»
Серия «Расследования
Пенелопы», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74476836
Загадка Версальского дворца: СПб; 2026
ISBN 978-5-389-34685-7*

Аннотация

Пенелопа Брёй, молодая и увлеченная музейная сотрудница, приезжает в Версаль работать хранительницей тканей. Тихая, почтенная должность, не сулящая сюрпризов, тем более что древних тканей в Версальском дворце нет. Но вскоре становится ясно, что скучно не будет.

В фонтане Латоны обнаруживается труп, в личных апартаментах королевы Марии-Антуанетты – неучтенный письменный стол, которому не положено быть в Версале, а в ящике стола – отрезанный палец. Загадочный китайский меценат, по молодости хунвейбин, ныне мечтающий построить копию Версальского дворца у себя на родине, сулит музею небывалые финансовые вливания. Во дворце действуют какие-то партизаны от искусства. Янсенисты – последователи давно

канувшего в небытие направления католичества, подавленного Людовиком XIV и его преемниками, – по ночам отправляют зловещие религиозные обряды в безлюдном Версальском парке. У Пенелопы и журналиста Вандрия, ее верного, хотя порой и слабого духом рыцаря, возникает немало вопросов, которые небезопасно задавать. И кстати, не исключено, что труп в фонтане – не единственная жертва...

Адриан Гётц – известный французский историк искусства, преподаватель Сорбонны, член Академии изящных искусств, директор библиотеки Мармоттан при Академии и блестящий писатель. «Загадка Версальского дворца» – второй роман из его цикла о приключениях музейной хранительницы Пенелопы Брёй. Здесь борьба за власть, многим на протяжении столетий стоившая жизни, не утихает до сих пор, многовековая история возвращается и показывает не очень-то красивое лицо, а Марии-Антуанетте по сей день есть что сказать.

Впервые на русском!

Содержание

Часть первая. Источники живой воды[1]	7
1. Хранитель на все руки	7
2. Труп в бассейне	20
3. Утренний дозор	24
4. Лишняя мебель	32
5. Визит китайского императора	37
6. Правда о чудесах	46
7. Столы XVIII века бывают вездесущими	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Адриан Гётц
Загадка**

Версальского дворца

Adrien Goetz

INTRIGUE À VERSAILLES

Copyright © Éditions Grasset & Fasquelle, 2009

© М. Е. Тайманова, перевод, 2026

© О. В. Давтян (Кустова) (наследники), перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Часть первая.

Источники живой воды¹

Реставрировать здание — это не значит поддерживать его, ремонтировать или переделывать — это значит восстановить его полностью, в том виде, в котором оно, возможно, никогда не существовало в какой-то конкретный период времени.

Эжен Виолле-ле-Дюк. Толковый словарь французской архитектуры с XI по XVI век (1856)

1. Хранитель на все руки

Версальский дворец

Понедельник, 22 ноября 1999 года,

четверть девятого утра

Пенелопа несется со всех ног. Уже остались позади парадный вход в павильон Дюфура, ступени из серого камня, вход для служащих и хранителей музея, высокие белые панели, скрывающие лифт. Новое место работы, новое окружение, прилив энтузиазма; она с восторгом вдыхает морозный воздух.

¹ Перевод М. Таймановой.

Она приходит в музей очень рано, раньше остальных хранителей, но одновременно с секретарем директора Вокансона. Сделала крюк, чтобы поздороваться с охранниками, сидящими с другой стороны двора за деревянной стойкой в помпезном стиле Объединения национальных музеев². Довольно неудобное помещение для службы охраны. Двор. Пахнет кофе. По утрам перед красной дверью грузового лифта балагурят пожарные. Никого из «научников» еще нет, даже тех, кто живет неподалеку. Пенелопа с улыбкой отказывается от кофе.

Южное крыло Министров; северное крыло; павильон Габриэля, павильон Дюфура, Мраморный двор. Вандрий сказал, что она мечется между кирпичными и каменными корпусами, образующими двор, как шарик в пинболе. Неясно, намеревался ли он сделать ей комплимент? Хотя она похудела. Она проводит весь день в офисе, уходит последней. Быстро учится: на новом месте всегда сперва чувствуешь себя самозванцем. Она это терпеть не может. Поклялась как можно быстрее пройти период адаптации. Между деловыми встречами поглощает описи коллекций, проглатывает четырехтомный каталог собрания живописи, книги по королевской мебели, заметки коллег-хранителей, отчеты о деятель-

² *Объединение национальных музеев* было создано в 1895 году, в 1990-м преобразовано в общественное учреждение промышленного и коммерческого характера. Союз занимается организацией крупных выставок с участием различных музеев, издательской и рекламной деятельностью, выпуском сувенирной продукции. – *Здесь и далее примеч. перев.*

ности за прошлые годы, какие-то заумные статьи. Она стала этим заниматься два месяца назад, едва узнав о своем назначении. Читает мемуары графа де Тильи, малоизвестные воспоминания Феликса, графа д'Эзека, каждый вечер наугад раскрывает том Сен-Симона или письма принцессы Пфальцской³, чтобы ощутить дух королевского двора. Преимущество подготовки к конкурсу, который ежегодно дает возможность трем или четырем выпускникам занять должность хранителя по специальности, именуемой «Государственные музеи»⁴, – это умение работать с невероятной скоростью. А то, что воспринято свежим взглядом, иногда может произвести впечатление на старых специалистов, которые уже порядком подзабыли детали. Каждый день она обедает с новым сотрудником музея, ей хочется все узнать и со всеми познакомиться. Если бы эти знакомства не сопровождались плитками молочного шоколада, она бы вообще чувствовала себя замечательно.

Ежедневник Пенелопы через десять дней после выхода на новую работу в Версале похож на ведьмовскую книгу заговоров и заклинаний, чему соответствует, как ей кажется, ее всклокоченная шевелюра. У кого бы спросить адрес хорошего местного парикмахера?

³ *Елизавета Шарлотта Пфальцская* (1652–1722) – немецкая принцесса из рода Виттельсбахов, известная своими письмами из Версаля.

⁴ *Государственные музеи* (Musées-État) во французской системе – музеи, находящиеся в прямом государственном управлении (в отличие от муниципальных или частных).

Она здоровается с Мари-Аньес, которая сама причесана, как Мария-Антуанетта на эшафоте, и умеет фильтровать телефонные звонки с проворством первой придворной фрейлины. Запыхавшись, Пенелопа бросает взгляд на портрет Суффло. Что делает в вестибюле эта картина, изображающая архитектора Пантеона? Должно быть, остаток временной развески 1970-х годов.

Со вчерашнего дня Пенелопе отвели кусочек кабинета, телефон и двадцать процентов времени секретаря по этажу Ванессы, которая в 1991 году была провозглашена королевой Мирабель в Метце⁵, о чем свидетельствует пожелтевшая газетная вырезка в застекленной рамке. Ванесса зарится на место Мари-Аньес. Все жаждут назначить встречу с Пенелопой. Новая рыбка в этом тихом омуте, где бурлят страсти, имеет большой успех у молодых и престарелых крабов, которые приползли все как один покрасоваться перед дебютанткой. Для новой квартиры ей уже предложили какой-то допотопный холодильник, парочку ковров, пластиковые табуретки. В день приезда она встретилась с любезно-отстраненным директором Алоисом Вокансоном, государственным советником и страстным библиофилом.

Ей пока не удалось свидеться с директором по науке, ее непосредственным начальником, главным хранителем Полем Даре, который, достигнув вершины своей карьеры, ти-

⁵ *Фестиваль Мирабель* (Сливовый фестиваль) проходит в конце августа в Метце, столице Лотарингии, где в финале выбирают королеву.

хонько дожидается скорого выхода на пенсию. Он предоставил подчиненным полную свободу действий, редко появляется в Версале, живет в городской квартире с одной университетской дамой, преподавательницей химии из Сорбонны. Последние два или три года его практически невозможно увидеть в музейных залах. Сейчас он, как обычно, борется с собственным ревматизмом, добавляя к трехнедельному курсу лечения дополнительные общенациональные выходные. Вернется теперь только в начале января. Шушукуются о возможном преемнике.

Пенелопа легко поладила с хранителем, которому непосредственно подчиняется, месье Бонлароном – этакий добродушный король Бабар⁶, способный перечислить по списку в любом порядке редкую мебель, находившуюся в Версале до Революции. За два года до пенсии он полностью раскрепостился и считает себя вправе открыто говорить все, что придет в голову, поскольку уже не может претендовать на место Даре. Он гордится, что «сумел вернуть» в Версаль заблудших овечек, как правило затерявшихся в коллекциях миллиардеров. На протяжении многих лет это создавало ему иллюзию общения с высшим светом; престижные знакомства могут хоть как-то компенсировать скромное жалованье. Руками в неизменных белых перчатках, чтобы не повредить дра-

⁶ *Бабар* – слон-король, популярный литературный персонаж, герой детских книг автора и иллюстратора Жана де Брюноффа (1899–1937).

гоценные консоли⁷, он изображает в воздухе жест, означающий полное бессилие, и резюмирует: «Вот до чего мы доказались».

Есть и другие: депрессивная хранительница Музея карет по прозвищу Пятое Колесо и два главных хранителя, которым Пенелопа, похоже, сразу же пришлась по душе. Первая – это дама с внушительным шиньоном на голове в форме бриоши: подобные сооружения из волос сегодня способны создавать лишь два-три парикмахера, которые обитают в Седьмом округе Парижа и добропорядочных приходах Версаля. Даму зовут Симона Рапьер. Бонларон из милосердия снабдил Пенелопу адресом парикмахерской «У Леонара» на улице Вьё-Версай – она старательно записала. Лучше умереть. Эта Рапьер сочинила целую серию книжек – розовые сопли в голубом соусе – про Марию-Антуанетту. Вот уже тридцать лет она носит те же очки в старомодной квадратной оправе. За глаза все называют ее Шиньон-Бриошь; прозвище подошло бы какой-нибудь милой старушке, а эта на самом деле – настоящая стерва.

Ее союзник – второй главный хранитель, сорока пяти лет, тоже постоянно отсутствует из-за разных легких недугов. Стараются произвести впечатление, щеголяя в вышитых жилетах, и устраивает выставки вееров в Ламбине⁸, муни-

⁷ Консоль – узкий пристенный столик на изогнутых ножках, характерный для дворцовых интерьеров.

⁸ Музей Ламбине – муниципальный музей, расположенный в особняке XVIII

ципальном музее Версаля, мимо которого вечно проезжают, не останавливаясь, автобусы с туристами. Сейчас он готовит подборку золотых шкатулок, «которые не следует путать с табакерками», букетниц и флаконов-пистолетов⁹ для духов. У него есть свои сторонники. Зовут его Огюстен де Латуи. Его дружок Бонларон заверяет, что «это имя не значит даже в справочнике аристократов-самозванцев».

Ряды хранителей поредели: две должности все еще остаются вакантными – одна в отделе живописи, другая в отделе скульптуры. Вот уже полгода никого так и не назначают. Все боятся, что министерство эти места заморозит. Весьма плодотворная тема для разговоров...

Список сотрудников замыкают реставраторы, которые хотели бы иметь такие же привилегии, что и хранители. В углу своей мастерской они вывесили принятую в некоторых странах «Хартию хранителей-реставраторов» – первый шаг к званию и должности. К счастью, по утрам, когда они приходят на работу, никто из них не приносит с собой оружия.

Этой священной гвардии противостоит всемогущий главный архитектор владений, неопределенное количество его заместителей, экскурсоводы, заведующие швабрами, смотрители, грозящие забастовкой, охранники, подчиняющиеся только комиссариату полиции, пожарные, размещенные

века; его коллекция посвящена истории Версаля.

⁹ *Букетница* – изящный держатель для маленьких букетов, популярный аксессуар XVIII века. *Флакон-пистолет* – флакон для духов в форме пистолета, дамский аксессуар эпохи рококо.

в казарме, которая относится к мэрии (республиканское сооружение выше самого дворца), – вот нескончаемый список противодействующих сил... Архитекторы полагают, и небезосновательно, что если взглянуть на статьи бюджета, то именно они представляют подлинную власть в Версале: хранители здесь для того, чтобы расставлять цветы по вазам (чего они, кстати, делать не осмеливаются) и развешивать шторы на окна (в чем преуспели). Бонларон, завершая общую картину, которую он, зажмурившись, забавы ради набросал Пенелопе в первый же день, заключает вкрадчивым, на октаву выше обычного голосом:

– О них можно сказать то, что говорили о первых христианах: «Посмотрите, как они возлюбили друг друга».

Заглавные титры этого суперхита фигурируют в размноженной на ксероксе брошюре под названием «Структура администрации». У всех запечатленных на портретах стиснуты зубы, нахмурены брови и приоткрыты рты... Пенелопу внесли туда накануне, левый глаз у нее полузакрит, точь-в-точь фельдмаршал Кутузов из советского исторического фильма, разъяренный тем, что с ним не посоветовались перед началом сражения.

Сегодня она должна встретиться с Зораном, старым приятелем, хранителем из Центра Помпиду, который хочет представить ей проект, связанный с современным искусством; потом с промышленником из Китая, который намеревается стать меценатом; потом с Терезой де Сен-Мелуар, председа-

тельницей кружка легитимистов¹⁰ из департамента Ивелин; потом заскочить к себе домой – должен прийти жуликоватого вида водопроводчик; потом отсидеть вместе с профессорами университета Сен-Кантен-ан-Ивелин на заседании оргкомитета коллоквиума «Европейское придворное общество в зеркале новой истории дипломатии»; и наконец, о счастье, ужин, с Вандрием!

Когда директор Версаля принял ее в своем роскошном, залитом зимним солнцем фонарном кабинете¹¹ на последнем этаже павильона Дюфура, ей сразу же стало ясно, что помимо скромных официальных обязанностей он поручает ей, в надежде разгрести завалы, все то, от чего отказались остальные коллеги. Вандрий сразу же это понял с высоты семейного лофта на площади Вогезов, который его папаша, «крупная шишка», удачно приобрел еще до реконструкции квартала Маре.

– Им просто потребовалась Козетта¹², прислуга на все руки. Они оставили за собой священное право приобретать ме-

¹⁰ *Легитимисты* – французские монархисты, сторонники старшей ветви династии Бурбонов (потомков Карла X), считающие ее единственно легитимной наследницей французского престола. Орлеанисты выступают за Орлеанскую ветвь (потомки Луи-Филиппа), а бонапартисты – за потомков Наполеона. Современные легитимисты – это небольшие кружки энтузиастов-традиционалистов, обычно пожилых аристократов или любителей старины.

¹¹ *Фонарный кабинет* – кабинет с большими окнами со всех сторон, как в фонаре, пропускающими много света.

¹² *Козетта* – героиня романа Виктора Гюго «Отверженные» («Les Misérables», 1862), девочка-служанка, которую эксплуатировали хозяева трактира.

бель королевского происхождения, организовывать визиты кинозвезд инкогнито или выставки всяких безделушек, которые будут открывать королева Дании или Швеции, ежегодные гала-концерты ассоциации в защиту детей под эгидой мадам Жискар д'Эстен...¹³ Я ходил туда, когда был маленький. Все эти заваленные мебелью салоны, эта роскошь – вырви глаз... да уж, можно повеселиться на славу! Я чуть не блевал на версальских вечерах от тошнотворной смеси духов «Шалимар» и приторного запаха нафталина, которым пропахли вытщенные из чехлов смокинги.

– А, так вот почему ты с тех пор редко выбираешься на приемы...

– Чтобы справиться со всей текучкой, пристающими посетителями и каторжной работой, провальными проектами, легитимистами, орлеанистами, бонапартистами, а также с современным искусством, которое все они дружно ненавидят, не говоря уже о рождественской елке и праздничном корпоративе для сотрудников, им потребовалась маленькая волшебница по имени Пенелопа.

Вандрий потрясаяще судит обо всем, особенно о том, о чем вообще не имеет понятия, поскольку для своей еженедельной колонки читает подряд все журналы. Раньше он писал про телевидение, а теперь замахнулся на светскую хро-

¹³ *Анн Эймон Жискар д'Эстен* (р. 1933) – супруга Валери Жискар д'Эстена, президента Франции (1974–1981), в 1977 году основала Детский фонд, занимающийся проблемой жестокого обращения с детьми.

нику. Вот уже почти пять лет они вместе, хотя и не живут под одной крышей. Пенелопе нравится, что он, как заправский хроникер, научился описывать самые разные житейские ситуации.

Гениальный ход президента Вокансона состоял в том, что он придумал должность хранителя по тканям. Еще один хранитель в штате – это победа, и Пенелопу приняли триумфально. Молодая женщина, излучает радость и энергию, носит очки на голове, как обруч, а они выглядят, как диадема, словно она въезжает в Версаль в карете, запряженной восьмеркой лошадей: ни дать ни взять мадемуазель де Лавальер¹⁴ на празднествах Усад Зачарованного острова¹⁵, Мария Анжелика де Скорай де Руссий, мадемуазель де Фонтанж¹⁶ во времена своего мимолетного блеска. Бедные ее коллеги даже не подозревают, что по стойкости и выдержке Пенелопа не уступит мадам де Ментенон¹⁷. В Версале нужно продержаться долго. Пережить всех. Что прекрасно сумел Людовик XIV, опираясь на свою старую камарилью.

¹⁴ Луиза де Лавальер (1644–1710) – любовница Людовика XIV.

¹⁵ Усадья Зачарованного острова (1664) – знаменитые версальские празднества, устроенные Людовиком XIV, чтобы продемонстрировать обновление садов Версаля.

¹⁶ Мария Анжелика де Фонтанж (1661–1681) – одна из фавориток Людовика XIV.

¹⁷ Мадам де Ментенон (1635–1719) – отличавшаяся незаурядным умом и выдержкой последняя фаворитка, воспитательница детей Людовика XIV, а затем его мorganатическая супруга, пережившая короля.

Пенелопа довольна, что должна подчиняться хранителю мебели и автору двух справочников Бонларону, который, к изумлению коллег, носит шелковые гольфы и «всегда готов дать себя распять, лишь бы оказаться рядом с Христом». Разумеется, он сам и преподнес ей эту проверенную временем светскую шутку. Он настоял, чтобы Пенелопа попробовала выдержанный виски, который он прячет в шкафу: именно эта деталь окончательно убедила Вандрия, что общаться с Бонлароном не зазорно. Дорогие напитки – единственная доступная ему роскошь: пиджаки у него еще большей выдержки, чем виски, рубашки давно непригодны для носки, а курит он самые дешевые сигареты.

Пенелопа варит себе кофе. В Версале нет автоматической кофемашины. Горячая вода просачивается через бумажный фильтр. Пенелопа переливает результат этой алхимической операции в точную копию чашки Марии-Антуанетты, изготовленную для молочной фермы замка Рамбуйе¹⁸, – подарок Севрской мануфактуры. Легенда гласит, что ее отлили по форме груди королевы, чашка-грудь. Грудь-чашка, говорит себе Пенелопа, в восторге от своего нового статуса.

В эту минуту звонит Вандрий:

– Подтверди, что я первый звоню на твой новый номер! Ты что, с ума сошла и заявила на работу в такую рань? Не

¹⁸ Людовик XVI построил для своей супруги Марии-Антуанетты в парке замка Рамбуйе молочную ферму – в XVIII веке аристократки «играли в пастушек», пили молоко в изысканно обставленном павильоне в дворцовом парке.

приучай их к этому!

– А ты сам ведь никогда не вставал раньше девяти! Заболел, что ли?

– Я прежде всего телепат – почувствовал, что тебе нужно со мной поговорить. Ошибся? Ну что, устроилась? Они соизволили отодвинуть три стопки книг, а на их место водрузили допотопный, выдавший виды компьютер?

– Пришлось притащить свой. Тут полная компьютерная нищета.

– Ты купила оранжевый холодильник, который тебе предлагали? Я бы согласился. Винтажные прибабасы – это круто! У меня для тебя фантастическая новость, но не по телефону. Меня сегодня утром поставили на прослушку в целях безопасности. Короче, взяли под особую охрану, это закон.

– Под особое наблюдение? Это что, из психушки?

– Подразделение охраны высоких должностных лиц, цитирую слово в слово, сам я тут ни при чем. Элитное подразделение...

– Могу себе вообразить.

– ...которое подчиняется Министерству внутренних дел, потом объясню. Если я приеду к чаю, ты освободишься?

– Приезжай. Только без персональной охраны.

– Хорошо, я от них оторвусь. Ради тебя. Ты меня просто не узнаешь. А если я приеду пораньше?

2. Труп в бассейне

Версальский парк

Понедельник, 22 ноября 1999 года,

то же утро, около половины девятого

Ворота открываются минут на десять раньше положенного. Барбара входит в парк одна, нахлобучив наушники. С тех пор как она уехала из Кливленда и обосновалась в этом старинном доме в Версале, на краю парка, она каждое утро совершает часовую пробежку. По аллее Шалунов¹⁹ к бассейну фонтана Латоны²⁰, ее любимому, потом вдоль Зеленого ковра²¹ к Трианонам. Она пробегает по аллее Овец²², минует ворота Версальцев²³ и направляется к своему дому. Иногда она завтракает в гостинице «Трианон-Палас», где всегда останавливалась до того, как решила перебраться в Версаль.

¹⁹ *Аллея Шалунов* – неофициальное название Водной аллеи, спроектированной Клодом Перро (1613–1688) и украшенной фигурами забавных путти.

²⁰ *Фонтан Латоны* – фонтан в Версале (1668–1670) по проекту Андре Ленотра, изображает богиню Латону, она же Лето, с детьми, Аполлоном и Артемидой (Дианой).

²¹ *Зеленый ковер* – длинный газон вдоль центральной аллеи Версальского парка, ведущий к фонтану Аполлона.

²² В эпоху Марии-Антуанетты в Трианоне была создана ферма (Деревушка королевы), где держали овец и других животных; *аллея Овец* вела к этой ферме.

²³ *Ворота Версальцев* – служебные ворота в парк, предназначенные для местных жителей.

Эта спортивная прогулка занимает у нее час, иногда два, если задерживаться перед статуями. У нее привычка обегать раз десять вокруг фонтанов для разминки и только потом переходить к растяжке. Ее сопровождает королевская музыка сэра Эдварда Элгара²⁴ – «Торжественные и церемониальные марши».

Спускаясь по лестнице, ведущей от партеров к пруду, она замечает, что на поверхности воды плавает какой-то огромный предмет. Бортик сбоку покрыт грязью. Мох отстал от края сантиметров на пятьдесят. Дождя этой ночью не было. Черная зеркальная гладь. Статуи находят эту воду такой грязной, что не желают в ней отражаться. Барбара на мгновение останавливается у подножия лестницы, потом подходит ближе. Между дном и поверхностью колышется какой-то темный силуэт: утопленник.

Она закатывает рукав, погружает руку в ледяную воду. Ей не удастся дотянуться до тени, которая, казалось бы, совсем близко. Для этого нужно войти в воду. Она не решается. Рука заоченела от холода.

Она пытается успокоиться, но дрожит все сильнее и сильнее. Ноги подкашиваются.

Кричать она не может. Только открывает рот. Ложится на землю. Тело сотрясается в конвульсиях. Она не хочет больше

²⁴ *Эдуард Элгар* (1857–1934) – английский композитор. «Торжественные и церемониальные марши» (ор. 39) – цикл из пяти маршей, первый из которых часто звучит на официальных церемониях и торжествах.

видеть этот фонтан, эту грязную воду. Она пытается дышать ровно, но дрожит еще несколько минут. Садится на землю.

В пустом пока парке никто не заметил того, что произошло. Возможно, тело находится здесь со вчерашнего дня.

Мужчина, женщина? Трудно сказать; она различает на поверхности что-то вроде коричневого мешка – вероятно, плащ; довольно короткие черные волосы. В наушниках гремит «Болеро» Равеля. Барбара из последних сил взбегает по лестнице. Наскоро обтирает лицо маленьким полотенцем, которое всегда набрасывает на плечи.

* * *

Барбара, задыхаясь, стоит перед охранником. Фарид только что допил свой кофе. Она улыбается ему, решив не сдаваться, показать, что она сильная, а заодно испытать свое обаяние: по словам хирурга, последняя операция омолодила ее на добрых пятнадцать лет. Эдмон, более опытный, чем Фарид, в вопросах безопасности, соглашается последовать за этой дамой без возраста, в спортивном топе и белых кроссовках «Найки».

Возле Латоны ни души, утренние бегуны еще не появились. Эдмон говорит спокойно. Он вызовет полицию. Флики оцепят территорию, поставят барьеры и натянут желто-белые ленты. Потом приедут пожарные. Ну и «скорая помощь», хотя уже поздно.

Барбара говорит по телефону, сидя на ступеньках розового мрамора. Слышна сирена. Она ждет пожарных, улыбаясь своими новыми зубами. Фарид дал ей одеяло.

Она звонит отцу Бруну, священнику, который крестил ее в прошлом году в Кливленде. Благодаря его связям ей удалось найти этот дом в Версале. Этому проповеднику она обязана своей новой жизнью, второй молодостью. А также своими успехами, о которых она остерегается рассказывать духовному наставнику. Сегодня утром она видела нечто невероятное. У нее судорогой свело мышцы, такое с ней впервые. Она должна рассказать ему.

Пытаясь прийти в себя, она думает о своем красивом версальском доме, старается не вспоминать об утопленнике в воде, совсем рядом. Мысли об интерьере нового дома действуют успокаивающе: именно такую французскую мебель она хотела. А современные фотографии она привезла из Кливленда: дорожные развязки, снятые с высоты птичьего полета, все эти миры, наложенные друг на друга. Она только что прикоснулась к мертвецу. Ее будут допрашивать как свидетеля. Лейтенант полиции говорит, что она может идти. Он заглянет к ней сегодня или завтра. Все эти переживания ни к чему женщине ее возраста. Ей нужно помолиться в тишине.

3. Утренний дозор

Версальский дворец, покои королевы

Понедельник, 22 ноября 1999 года,

около восьми утра

Утренний дозор – вовсе не картина Рембрандта²⁵. Для Больших апартаментов со служебными коридорами, потайными лестницами и внутренними кабинетами²⁶ требуется всего один персонаж. Сперва ритуальный маршрут: салон Геркулеса, салон Венеры, салон Дианы, салон Марса, салон Меркурия, салон Аполлона, салон Войны, Зеркальная галерея, салон Мира, спальня королевы... Анфилада личных покоек, кабинет Часов, кабинет Собак, столовая Возвращения с охоты, апартаменты мадам Дюбарри²⁷, мадам де Помпадур, местье де Морепа²⁸. У охранника ключи и привилегия все проверить.

За окнами ночь медленно покидает парк. В этот час никто никогда не видит Версаль. Медар превращает обход в медленный и изящный танец. Ритуал шамана. У входа в Угло-

²⁵ Имеется в виду картина Рембрандта «Ночной дозор» («Nachtwacht», 1642).

²⁶ *Внутренние кабинеты* – небольшие служебные или личные комнаты за парадными апартаментами, где могла уединиться королевская семья.

²⁷ *Жанна Бекю, графиня Дюбарри* (1743–1793) – последняя фаворитка Людовика XV. Казнена на гильотине во время Французской революции.

²⁸ *Жан-Фредерик Фелипо, граф де Морепа* (1701–1781) – государственный министр при Людовике XV и Людовике XVI.

вой кабинет он тихо напевает что-то то ли из Люлли²⁹, то ли из Генсбура³⁰. Проходит мимо остекленных коробов, которые защищают некоторые двери, – на них видны отпечатки жирных пальцев. Свет люстры в кабинете Часов отбрасывает на потолок отблески, как в аквариуме. Медар рассматривает трещину – карниз смещается, особенно когда воздух влажный. Вот что бывает в домах без подвалов. Он идет не торопясь. Считает шаги. Холодно. Он главный герой в фильме, который никто не снимает.

Эти утренние минуты – счастье его жизни. Он любит каждую стену, пронизывает взглядом перегородки, разговаривает с декоративными панно над дверями, со шторами. Рассказывает себе истории. То он король, а то месье де Монтеспан³¹, «великолепный рогоносец», то Мольер, а то Расин. Он громко декламирует, чтобы было слышно деревянным панелям, первую сцену «Британика»: «Без свиты по дворцу бесшумной тенью бродит...»³² – и слова проникают прямо в стены. Одна фраза, не больше, чтобы посмаковать звучание. На

²⁹ Жан-Батист Люлли (1632–1687) – придворный композитор Людовика XIV.

³⁰ Серж Генсбур (1928–1991) – певец, автор песен, актер и режиссер, известный провокационными текстами и музыкальными экспериментами.

³¹ Луи-Анри де Пардайан де Гондрен, маркиз де Монтеспан (1640–1701) – муж Франсуазы-Атенаис де Рошешуар, фаворитки Людовика XIV. Когда его жена стала любовницей короля, он демонстративно прикрепил рога к своей карете, за что был выслан из Версаля.

³² «Британик» («Britannicus», 1669) – трагедия французского драматурга Жана Расина. Цитируется монолог императора Нерона, который блуждает по дворцу в одиночестве (перев. Э. Фельдман-Линецкой).

это уходит не много времени, никто никогда не узнает. Ему хочется, чтобы слова отдавались эхом, будто ноты утраченной пьесы, сыгранной на старинной виоле. Пересмешки паркета, лязг петель – двери, которые иногда поворачиваются, а иногда застревают, тоже участвуют в концерте.

Не хватает пламени в камине, оплывших свечей вчерашнего празднества, цветов и ароматных трав, запахов конюшни на сапогах. Не хватает королевских гончих и армии котов, вольеров Мраморного двора и клеток с канарейками, летучих мышей, мечущихся, как молнии, под сводами капеллы. Без животных Версалью недостает жизни. Целый час Медар ласкает и холит старый дворец, своего закадычного спутника, и тот ржет и бьет копытом, радуясь, что его так привечают.

* * *

Вот Медар в «спальне», в покоях королевы. Мягко касаясь, он открывает и закрывает балюстраду из золоченого дерева, даже не глядя на монументальное ложе, украшенное шелковым покрывалом, заново сотканным в Лионе «по оригинальным эскизам», чем утешаются ностальгирующие. Это Версаль для туристов. Медар ненавидит этот корабль с невидимыми мачтами, такелажем из чересчур ярких тканей, увенчанным белыми плюмажами, вырванными у несчастных страусов, которые даже не мечтали о столь благородной стра-

усиной миссии. Он наблюдал, как изготавливали балдахин, от которого так и веет новоделом. Смех, да и только. Его больше трогают залы, которые никогда не перекрашивали, никогда не трогали. Вот если бы могли воссоздать вовсе не ткани, а радость охоты, дичь, сваленную у стен дворца, процессии, запах ладана и горы мусора. Медар поворачивает овальную ручку потайной двери, скрытой в стене между колоссальной «кроватью с прикрепленным к потолку балдахином», защищенной пластиком от всевозможных брызг, и «шкатулкой для драгоценностей», машиной из красного дерева, отделанной перламутром и золоченой бронзой.

Экскурсоводы просто обожают эту узкую створку. Медар срывается на фальцет: «Через эту незаметную дверь, обитую шелком, расшитым розами, сиренью, лентами и павлиньими перьями, в октябре тысяча семьсот восемьдесят девятого года, когда парижский народ ворвался во дворец...» Туристы трепещут.

Когда после первого потрясения, к которому особо склонны американки, заходишь в королевские покои, именно эта дверь и бросается в глаза. Возможно, потому, что во всех фильмах про Марию-Антуанетту и в бесконечных документальных сериалах про «тайны Версаля» ее показывали несчетное количество раз. С наружной стороны она обтянута шелком, украшена золоченой резьбой, а с внутренней это простая деревянная панель, как жилище обедневшего дворянина из Пуату, сработанная году в 1780-м.

Отсюда осмотр переходит «за кулисы». Медар попадает в личные апартаменты Марии-Антуанетты. Сначала проходная комната, которая ведет на крошечную лестницу. Тут приходится открыть дверь очень длинным ключом, увенчанным флероном³³ весьма примитивного, почти детского рисунка, так называемой «отмычкой королевы», как начертано пером на старинной прямоугольной этикетке. Это вход в зачарованное царство, которое мечтали увидеть многие придворные. Медар отпирает дверь «кабинета задумчивости», места уединения, оснащенного всеми удобствами, которые так волнуют историков-бытописателей, специалистов по смывным устройствам. В одно из этих мест, сделанных на английский манер, по приказу Людовика XVI была даже проведена проточная вода. Медар смеется, чувствуя, что и у него здесь возникает желание удовлетворить некоторые утренние потребности. Ну ты даешь, старина, уж потерпи. Он смотрит на деревянное очко. Похоже, что механизм до сих пор работает. О таких деталях он знает больше, чем многие хранители, например эта новенькая, малышка Пенелопа Брёй. Может, она и успешно выдержала свой конкурс, но ничегошеньки не смыслит в подлинной жизни Версаля. Эти хранители

³³ *Флерон* – декоративное навершие в виде цветка или листа.

строят из себя экспертов, вещают с уверенным видом. Медар их терпеть не может. В сущности, все это несправедливо. Он знает гораздо больше их всех, набрался за столько времени.

За тридцать лет службы во дворце Медар видел, как этот закуток трижды переделывали. Медар застал его выкрашенным по моде Третьей республики со всеми современными удобствами, сохранившимися со времен переделок для царицы Марии Федоровны³⁴. Республика отвела ей Малые апартаменты королевы, а царь располагался в покоях короля³⁵. Медар наблюдал, как кабинет «модернизировали» перед встречей «Большой семерки» в 1982 году. Установили эмалированную чашу для Маргарет Тэтчер, которая, в свою очередь, останавливалась в Малых апартаментах королевы. Но потом это новшество исчезло: Тьерри Гранже, нынешний архитектор дворца, сумел «восстановить» первоначальный вид, водрузив стульчак из красного дерева «той эпохи», как он говорит. На самом деле все новое. Вообще-то, Медар точно не знает, декорация это или все же вода туда по-прежнему подается. Нужно бы проверить, но всякий раз он не может решиться.

Медар взглядом окидывает приемную, уставленную книгами. Лишь бы этому пижону Гранже не пришла в голову

³⁴ *Мария Федоровна* (София Доротея Вюртембергская, 1759–1828) – супруга русского императора Павла I.

³⁵ Речь, вероятно, идет о визите 1782 года, когда Павел I (тогда еще великий князь, наследник престола) и Мария Федоровна посетили Версаль как князь и княгиня Северские.

мысль все безвкусно позолотить заново. Медар его ненавидит. В этой комнатушке нельзя ни к чему прикасаться. Он влюблен в здешний полумрак. В эти минуты обхода он испытывает волнение. В некоторых местах он задерживается, смотрится в зеркала, в которых отражалось столько лиц.

Уборки еще не было. Пыль не очень заметна, разве что на люстрах. Паркет натирали на прошлой неделе, запах воска еще поднимается от деревянных полов с почерневшими бороздками между половиц, скрепленных штырями. Вчера здесь не было никаких групп, никто не переступал этот порог. Посещение Малых апартаментов возможно только по запросу – фанатов, сдвинутых на принцессах, и любителей старинной мебели. Сюда попасть можно через зал королевской гвардии или через белый коридор, примыкающий к салону «Бычий глаз»³⁶. Медар предпочитает заходить через потайную дверь.

Но все чаще и чаще группы, подстрекаемые телевидением, жаждут увидеть закулисы, чердаки и мансарды. Медара злит, что все теперь желают разделить его страсть. Он самоучка, но набрался знаний, поглощая каждый месяц десятки книг. Версаль – такая же старая развалина, как и многие другие. Посетители полюбили эти лесенки со стертыми ступенями. Они требуют тайн, листков, вклеенных в дверцы шкафа, изнанки роскоши, словно декор настенных росписей не

³⁶ Салон «Бычий глаз» назван так по окну овальной формы и служил приемной перед покоями Людовика XIV, где придворные ожидали аудиенции.

прекраснее. Они будут досконально изучать ванные комнаты, но даже не взглянут на чудеса в салоне Геркулеса! Самый прекрасный в мире плафон после Сикстинской капеллы – герой, вознесенный на Олимп. И к тому же самый трагичный, потому что, написав его, Лемуан³⁷ покончил с собой. Его призрак с комфортом обосновался здесь. Да, необычные смерти в Версале не редкость.

Выйдя из второй небольшой комнаты – Библиотеки королевы, – Медар застывает на пороге Золотого кабинета.

Роняет фонарик. Тот падает, но не гаснет: светлячок на блестящем паркете. Освещает стену напротив. Медар смотрит и ничего не понимает. Это не адская машина, не подозрительный пакет, не бомба: это мебель. Справа от камина на фоне белой деревянной панели с золотыми филенками, украшенной помпейскими мотивами, появился отделанный маркетри и накладками из позолоченной бронзы письменный стол на четырех ножках, которого раньше здесь никогда не было.

³⁷ Франсуа Лемуан (1688–1737) – первый живописец короля, мастер исторического жанра, работал в Версале.

4. Лишняя мебель

Версальский дворец,

Малые апартаменты королевы

Продолжение

Медар смотрит на этот невероятный стол, который выглядит здесь так же неуместно, как космический корабль, рухнувший на поверхность мертвой планеты. Место падения: Версаль, парковка для *орбитальной космической станции* XVIII века. Этот предмет вытянул свои тонкие антенны между двумя креслами в том же стиле, возле арфы той же работы и комодом работы Ризенера³⁸, украшенным тремя севрскими вазами с китайскими мотивами – дружественный кивок. Наверное, Медар был бы не менее поражен, если бы этот двухъярусный стол с невысоко закрепленной проножкой³⁹ приземлился на его глазах где-то на блошином рынке Сент-Уэн среди пластиковой мебели семидесятых. Зимний мираж. Одно из кресел – телеуправляемый робот, который мог бы самостоятельно передвигаться по поверхности Марса, – слегка повернуто к столу. Словно кто-то написал записку и только что встал.

³⁸ Жан-Анри Ризенер (1734–1806) – знаменитый мебельщик, работавший при французском дворе, вплоть до революции 1789 года, выполнял заказы Марии-Антуанетты.

³⁹ Проножка – горизонтальная перекладина между ножками мебели.

Медар подходит к этому лишнему предмету мебели, появившемуся здесь ночью. Он абсолютно уверен, что накануне, когда он совершал обход сразу после закрытия музея в 18:30, стола здесь не было. Вся здешняя мебель, после того как ее где-то нашли, приобрели, купили на аукционе, пользуясь преимущественным правом музеев, или получили в дар по завещанию, тут же демонстрирует непредвиденное свойство: неподвижность. Летающие столы выглядят подозрительно. Новый экспонат такой ценности, такого качества был бы настоящим событием, ценным приобретением. Медар узнал бы о нем от хранителей: в их тесном семейном версальском кругу все в курсе его интереса. Лучше такое, чем кража или труп. В любом случае.

Медар берет себя в руки. Смотрит на стол. Незванный гость. Но это шедевр.

Он вспоминает лицо девчушки, пробегающей среди группы воинов на картине Рембрандта в Рейксмузеуме в Амстердаме. Она заблудилась среди «Ночного дозора», но не выглядит испуганной. Медар любит к месту и не к месту приводить названия картин или цитировать стихи, что раздражает Фарида и Эдмона. Он им сейчас, во время перерыва, расскажет о явлении стола. Лицо девочки, что оказалась там случайно и бежит среди суматохи, это розовое платье, которое не забыл художник, нелепая деталь, в ней заключена вся тайна. Так же этот хрупкий стол из редкого дерева, такой подлинный и в то же время совершенно призрачный.

На прошлой неделе Медар по-настоящему испугался. Когда он вернулся с работы, его девочки, настоящей, не рембрандтовской, – впрочем, в детстве его Эстер была немножко похожа на маленькую фею с картины, – вопреки обыкновению, дома не оказалось, хотя обычно она всегда готовит ему ужин. И оголодавшая кошка бросилась к нему. Медар утешил ее, открыв консервы. Он знал, что тем самым дает себе короткую передышку. Потом он принялся искать дочь. Она куда-то ушла. Он вообразил, что она решила сбежать из дома, бросить его, что не хочет больше с ним жить. Можно запаниковать из-за пустяка, из-за какой-то глупой песчинки, попавшей в механизм. Его дочь никогда не отличалась робостью, он воспитал ее так, чтобы она могла противостоять чему угодно, несмотря на свою неполноценность. Час спустя она вернулась. Медар не стал ее расспрашивать. Не осмелился.

Медар подходит ближе, поглаживает инкрустированную поверхность – цветы, фрукты, деревья, ветви. Поскольку еще никого нет, этот новичок, этот неожиданно возникший стол будет принадлежать только ему. На две-три минуты. Медар поворачивает крошечный бронзовый ключик на передней панели, раздается щелчок хорошо смазанного замка, он открывает ящик – пусто. Медар запускает руку внутрь, нежно поглаживает дно. У него нет характерного запаха старых драгоценных пород дерева. Пахнет чем-то другим: какой-то неясный аромат, который был бы тошнотворным, будь он посиль-

нее.

Над ящиком выступают две позолоченные бронзовые детали, указывая на что-то необычное. Медар тянет их на себя, высвобождая панель, которая скользит вперед над открытым ящиком и подгоняется к основной столешнице. Он любит мебель со скрытыми механизмами: бюро с цилиндрическим механизмом для поднятия крышки, шкафы с двойным дном. Таким образом, поверхность стола увеличилась, появилась своего рода трансформируемая конторка, столешница, обтянутая зеленой кожей. Он проводит пальцем по этой потемневшей от времени коже, нащупывает шарнир. Столешница поднимается, как наклонный пюпитр. Медар регулирует угол наклона, ликует. Да, несомненно, это королевская мебель, здесь явно скрыты другие секреты, которые он еще не обнаружил.

Он ложится на пол, чтобы посмотреть на столешницу снизу – есть ли там какая-то печать, подпись краснодеревщика или клеймо, черное на светлом дереве, указывающее, в какую королевскую резиденцию была поставлена эта мебель.

Медар прислушивается. Только что пробили часы. Их тиканье, похоже, звучит вдвое чаще с того момента, как он подошел к столу. Медар задерживает дыхание. Где-то скрыт второй часовой механизм? А вдруг это бомба, как та, которую в 1978 году взорвали в Военной галерее борцы за автономию Бретани? Он застывает на месте. По его лицу стекает и падает на паркет капля, потом вторая – на щеку. Он их

вытирает. Смотрит вниз: коричневое пятно на паркете. Поднимается и садится на корточки. Начинает ровно дышать, не шевелясь. Под столом, как раз под выдвинутым ящиком, возникает новая, почти незаметная капелька.

Он наклоняется, подставляет ладонь, принюхивается. Ему знаком этот запах.

Письменный стол XVIII века истекает кровью.

5. Визит китайского императора

Версальский дворец

Понедельник, 22 ноября 1999 года,

около половины десятого утра

– Мадемуазель Брёй, вас срочно вызывают в Малые апартаменты королевы, Медар позвонил по мобильному. Там какая-то катастрофа. Месье Бонларон пошел туда, всех подняли на ноги. Похоже, в парке тоже что-то случилось, но что именно, мне не сказали. Мне и без того хватает, за глаза и за уши...

– Катастрофа? Позже, Мари-Аньес, минут через двадцать. Мне нужно срочно бежать к архитекторам.

– Не забудьте, у вас встреча в десять тридцать в кабинете директора с месье Делонклем, генеральным директором компании «Наследие плюс»⁴⁰. Вы спрашивали адрес парикмахера, я для вас записала...

Очередной салон, от которого лучше держаться подальше... У Пенелопы нет времени задерживаться. Ее друг Зоран опаздывает – наверное, не решился припарковать свою колымагу в парадном дворе. Она сначала примет «китайца». Современное искусство пропустит вперед Империю

⁴⁰ «Наследие плюс» – вымышленный фонд, специализирующийся на управлении и коммерциализации исторических поместий.

знаков⁴¹.

Ей приятно показывать Зорану Метивье Версаль в понеделник – день, когда музей закрыт для посетителей. Они вместе учились в Школе сохранения национального наследия. У него живой ум, черный костюм и черная рубашка, очки в прямоугольной роговой оправе, как у берлинских галеристов. Он был самым блестящим на их курсе, номер один при поступлении, закончил первым. Хорошо ладит с Вандрием. Они часто обедают вместе. Вандрий строит из себя крупного репортера, Зоран отвечает ему на жаргоне музейщиков, а Пенелопа подсчитывает очки. Зоран непрерывно хохочет. В их профессии такие люди встречаются редко. Пенелопе это нравится, поднимает настроение. Правда, некоторых раздражает. Во время каторжной учебы в Школе – суровая расплата за триумфальное поступление, – оказавшись вдвоем с Зораном на стажировке в отделе управления культурой департамента Ду, они три месяца отравляли жизнь местной библиотекарьше – старой деве из Безансона, которая отвадила всех читателей. Зоран прозвал ее Пещера Ласко-1⁴².

Первым в это утро ей позвонил главный архитектор. Им нужно обязательно встретиться. Хранители Версаля воспри-

⁴¹ *«Империя знаков»* («L'Empire des signes», 1970) – книга Ролана Барта о японской культуре, хотя здесь речь идет о Китае.

⁴² *Пещера Ласко* (Дордонь, Франция) с наскальными рисунками эпохи палеолита была открыта для посещения с 1948 года, однако в 1963 году закрыта для широкой публики – углекислый газ, выдыхаемый туристами, разрушал рисунки.

нимают архитектора и его подчиненных как неуправляемую силу. Эти одержимые, готовые воссоздавать лестницы там, где их отродясь не бывало, или реконструировать временно существовавшие исторические планировки, даже не задаваясь вопросом, почему при Людовике XV, спустя два года после того или иного переустройства, сочли за благо от него отказаться. На этой неделе им пришла в голову мысль восстановить «летающее кресло», нечто наподобие лифта на ручной тяге между двумя этажами. Есть чем заняться. В запасниках сохранился изъеденный жучком образец, который они собираются скопировать... В каменной кладке обнаружили две или три пустоты, по которым двигались «кресла». Благодаря рвению этих энтузиастов Версаль готов превратиться, как в эпоху королей, в нескончаемую стройку.

Лу Маофэн вступил в контакт именно с ними, а не с хранителями или директором, как предписано. У этого человека сомнительная репутация. В Министерстве культуры встречаться с ним отказались. Он бывший хунвейбин. Лу (пишется как Лю) – не настоящая его фамилия. Он слывет одним из самых немыслимых нуворишей на планете. На Западе его пока никто не знает. Он опустошает недра Африки, а это не так на виду. Ничего удивительного, что в конце концов он объявился в Версале, куда до него наведывались и другие авантюристы. У архитектора не было времени подробно рассказать все Пенелопе, он только упомянул о проекте, который мог бы принести целое состояние – разумеет-

ся, в бюджет Версаля.

Она выходит из своего кабинета на втором этаже в коридор, заставленный книгами, изящной мебелью красного дерева в стиле Луи-Филиппа: стульями со спинками, украшенными пальметтами, и конторскими креслами, обитыми темно-зеленым сукном, затем через дверь павильона Дюфура попадает во двор, пересекает его по диагонали к северному крылу Министров. Бастион архитекторов занимает донжон напротив. Версаль очень красив в холодную погоду. Пенелопе хорошо. Она дышит полной грудью. Ее жизнь меняется, она это чувствует. Она еще не знает, что уготовил ей этот антураж. Она улыбается.

Со снисходительным уважением она бросает взгляд на конную статую Людовика XIV. С тех пор как здесь не ездят верхом, мостовые безмолвствуют. Если послушать этих сдвинутых архитекторов, статуя, установленная в центре, где сходятся перспективы времен Луи-Филиппа, должна покинуть двор и уступить свое место воссозданной парадной решетке, соединявшей в XVIII веке павильон Габриэля и павильон Дюфура, только вот архитектор Дюфур работал в начале XIX века, когда решетка Старого режима осталась лишь воспоминанием. Иными словами, в папках дремлет проект никогда не существовавшего фасада Версаля XXI века – решетка должна была опираться на здание, построенное гораздо позже. Новодел, прекрасно приспособленный для нынешнего разделения потоков посетителей на купивших и не купив-

ших билеты, – идея неплохая. И начальство явно захочет, чтобы эту авантюру профинансировали китайцы, – а что еще можно ожидать? Пенелопа не отступит, взбудоражит Бонларона и Шиньон-Бриошь, поднимет на ноги Вокансона и невидимку Поля Даре во время его лечения на водах в Даксе! Столь абсурдный проект не имеет права на жизнь. Хранители дадут отпор архитекторам.

Когда главный архитектор Тьерри Гранже посещает стройку, он стремится выглядеть как крутой профессионал. Поскольку постоянно носить каску и защитную обувь невозможно, он довольствуется рубашкой с коротким рукавом и красным галстуком. Грубые ботинки а-ля сельский священник придают ему абсолютно дурацкий вид – долговязый увалень, попавший под дождь во время паломничества студентов в Шартр⁴³. Пенелопа думает о своем собственном денди – Вандрий в костюмах от Пола Смита и кожаных лимитированных кроссовках «Суперга», купленных в Сохо. Вот бы он повеселился!

Звонит телефон. Тьерри Гранже недовольно хмурится. Он протягивает Пенелопе левую руку, снимает трубку, говорит по-английски. Пока Пенелопа поднималась по лестнице на встречу с китайцем, тот все перепутал и заявился в помещение хранителей в павильоне Дюфура. Секретарь директо-

⁴³ Трехдневное паломничество от собора Парижской Богоматери до собора Шартрской Богоматери, пеший путь длиной более 100 километров, – одно из главных ежегодных событий для традиционных католиков. В конце учебного года такое паломничество совершают до 40 тысяч студентов.

ра попросила его подождать, и теперь он, разумеется, пышет гневом. Потенциальный меценат никогда не должен ждать. Пенелопа и Гранже спортивным шагом пересекают двор в противоположном направлении, даже не удостоив взглядом Людовика XIV, чья судьба висит на волоске.

* * *

Месье Лу ожидает их в маленькой гостиной с красными креслами, служащей приемной при кабинетах дирекции. Мари-Аньес утратила контроль над происходящим.

На полу, засунув голову в камин, лежит китаец и кричит. Черная футболка, дешевый готовый костюм, но ремень от «Дольче и Габбана» – верх шика китайских нуворишей, любопытно. При этом молодая женщина, которая стоит возле него, говорит по-французски. Это переводчица, одетая в синюю блузу времен Мао. Она переводит его вопли:

– Месье Лу желает знать, почему этот камин поддельный. В нем нет дымохода. Им нельзя пользоваться. Он всего двадцать пять сантиметров глубиной. В замке месье Лу в Китае все каминны будут действующими. А здесь, в Версале, неужели все фальшивые?

Пенелопа не знает, что ответить. Этот камин – позднее украшение интерьера, приставленное к стене. В довершение всего на него водрузили жуткого вида часы и по бокам две чудовищные зелено-золотые вазы.

Китаец уже разворачивает свои чертежи на круглом столе. Замок, который он собирается построить в окрестностях Шанхая, будет выдержан во французском духе. Фасады демонстрируют унылые стены, крутые скаты крыши, покрытые шифером. Ничего общего с Версалем: Лу хочет массивный укрепленный дом, окруженный рвом, большой двор...

Гранже в восторге:

– Потрясающе, экспериментальная стройка, мы сможем связать ее с археологическими раскопками Парадного двора, которые были запланированы много лет назад, но постоянно откладываются из-за нехватки средств. Нынешнее правительство не проявляет особой щедрости к нашему бедному Версалью. Это не входит в их понимание культуры.

– Раскопки?

– Да, Пенелопа, но, к несчастью для тебя, это не имеет отношения к египтологии...

Она мрачнеет. Быстро же этот мелкий царек перешел на «ТЫ».

– Это будут раскопки, которые расскажут нам о первом Версале. У месье Лу возникла блестящая идея: воссоздать первый дворец. Охотничий павильон Людовика Тринадцатого, до того как он оброс пристройками.

В кабинете секретарши слышны раскаты смеха Зорана Метивье. Дверь открыта. Пенелопа обнимает его, но не представляет ни китайцу, ни архитектору, ни переводчице.

– Зоран, иди посмотри! Современное искусство в Верса-

ле – это прежде всего архитектура. Посмотри, с какой легкостью можно заново построить дворец. Представь себе, что по желанию можно было бы восстановить боскет⁴⁴ Трех фонтанов, Водный театр, или даже лабиринт, разрушенный при Людовике Пятнадцатом, или же мифический фарфоровый Трианон...

– Это очевидно, – перебивает ее Тьерри Гранже. – У нас сохранились планы, акварели, гравюры, нужно только финансирование. Три фонтана были сооружены «по рисункам короля», без статуй, это было бы несложно воспроизвести. Представляете, какой успех у публики!

– И восстановить, как бы сказать... холм времен Генриха Четвертого с прилегающими к нему болотами? И немного ландшафтной архитектуры?

– Зоран, перестань. Я вас не познакомила. Тьерри, это месье Метивье из Центра Помпиду, он был куратором выставки *дадаистов*.

Уже полминуты из кабинета Мари-Аньес доносятся новые крики. Дверь открывается, секретарша показывает жестом, что она уже на пределе. Пенелопа не знакома с человеком, который заходит, внося с собой дуновение ледяного воздуха с улицы. Главный садовник похож на придворного былых времен, галстук-бабочка ярко-синего цвета в белый горошек – принадлежность к организации «Аксьон фран-

⁴⁴ *Боскет Трех фонтанов* – один из «зеленых залов» Версальского парка, созданный по эскизу Людовика XIV; разрушен в XVIII веке.

сез»⁴⁵, резиновые сапоги марки «Эгль»⁴⁶.

– Президент недоступен, директор принимает грязевые ванны, мне нужно срочно связаться с кем-то из хранителей. Это вы новенькая, Пенелопа Брёй? И с вами тоже, месье Гранже, мне нужно срочно поговорить, раз уж Господу было угодно послать вас сюда...

– Хорошо, говорите, что случилось?

– Одна американка обнаружила труп в бассейне фонтана Латоны. Не уверен, что это смерть от гипотермии.

⁴⁵ «Аксъон *франсез*» («Action française») – монархическая политическая организация, возникшая во Франции в 1899 году.

⁴⁶ «Эгль» («Aigle») – французская марка резиновых сапог, любимая обувью сельской аристократии.

6. Правда о чудесах

Сен-Кантен-ан-Ивелин

То же утро

Завтра вечером, 23 ноября, настанет ее черед. Каждый год в годовщину Ночи озарения, когда был обращен Блез Паскаль⁴⁷, собираются друзья отца. Эстер знает, что ей предстоит быть в центре внимания.

Она гладит длинную белую рубашку. В эти дни ожидания квартира в Сен-Кантене пустует. Эстер больше не смотрит из окна их панельной многоэтажки – социальной квартиры, в которой они живут уже десять лет. Их собственную, парижскую на улице Гей-Люссака, пришлось продать. После смерти матери отец захотел жить поближе к Версалию. Мать никогда не говорила, что Эстер «не такая, как все» или «инвалид».

Их кошка Токката начинает мурлыкать. Отец любит кошек. Она тоже. Эстер много читает. Сегодня утром она прочла несколько страниц из «Правды о чудесах», в красивом переплете XVIII века. Потом взяла Библию в переводе Ле-

⁴⁷ *Блез Паскаль* (1623–1662) – французский математик, физик, философ и писатель, ключевая фигура янсенистского движения. Автор «Писем к провинциалу» («Lettres Provinciales», 1656–1657) в защиту янсенистов против иезуитов, а также незавершенных «Мыслей» («Pensées», 1657–1658), опубликованных посмертно.

метра де Саси⁴⁸ и карманное издание «Мыслей» Паскаля. Она не все понимает, но потихоньку разберется. Самое большое для нее удовольствие – переворачивать страницы книг из домашней библиотеки. Некоторые принадлежали еще де-ду ее отца. Она может целыми вечерами разглядывать гравюры. Всматривается в каждую деталь. Она уже участвовала в одном ритуале вместе с кузиной. О месте встречи всегда сообщают в последний момент.

Честь читать выдержки из «Мемориала» выпадет другу отца, с которым она не знакома, – те несколько фраз, которые Паскаль написал, чтобы не потерять воспоминаний о ночи, изменившей его жизнь, а потом хранил до самой смерти, вшив этот листок в свой камзол. Эстер знает эту страницу наизусть с тех пор, как научилась читать. Больше всего ей нравятся слова «слезы радости»⁴⁹, «источник воды живой»⁵⁰, она чувствует, как они оживают.

Ее отца очень любят в кругу верных янсенистов. Медар все для них организует. Ей придется снять одежду. Они должны будут приготовить шпаги. Эстер знает, что и на этот

⁴⁸ *Леметр де Саси* (1613–1684) – французский янсенистский богослов, автор знаменитого перевода Библии на французский язык (1696), который оставался самым читаемым во Франции до XIX века.

⁴⁹ «Слезы радости» – из знаменитого «Мемориала» Паскаля, записки о мистическом озарении в ночь 23 ноября 1654 года: «Радость, радость, радость, слезы радости» (здесь и далее перев. Б. Тарасова).

⁵⁰ «Источник воды живой» – библейское выражение (Иер. 2: 13), ключевое в янсенистской духовности.

раз с ней ничего не случится. Она не почувствует боли. Крови не будет. Она искупается в источнике живой воды. Она повторяет про себя эту фразу. Она счастлива, что не придется возвращаться в «специализированное учреждение», где ей пришлось провести целый год. Она улыбается, думая о той ночи, когда она перестанет быть собой.

7. Столы XVIII века бывают вездесущими

Версаль

То же утро

Вандрий доволен новой машиной «MG»⁵¹. Он несется на огромной скорости. Включил музыку: «Poison» Джей-Джея Йохансона⁵². Сегодня утром он больше часа плавал в бассейне клуба «Racing». Ощущает себя олимпийцем. Вихрем проносится по тоннелю Сен-Клу. Дальше по обеим сторонам дороги тянется лес: вернись сюда друзья Людовика XIV, они удивились бы, увидев, какая брешь образовалась в их мире. Вандрий целую вечность не был в Версале.

Он не думал, что такое может произойти с его отцом, и так неожиданно. Он и раньше виделся с ним нечасто. Это назначение позабавит Пенелопу. Начинается новый период их отношений. К счастью, она теперь живет ближе. Как раз в тот момент, когда он стал интересоваться романским искусством: они проводили выходные в Турню, Конке, Мон-Сен-Мишель. Что ж, тем лучше. Версаль с его позолотой нагоняет на Вандрия тоску. Он любит сам себе противоречить. На

⁵¹ «MG Cars» – британская фирма, которая создала один из первых двухместных открытых спортивных автомобилей.

⁵² Джей-Джей Йохансон (р. 1968) – шведский тромбонист, композитор, ди-джей. Его альбом «Poison» (2000) быстро завоевал популярность в Европе.

прошлой неделе он заявил Пенни:

– Финтифлюшки, побрякушки, завитушки, страусовые перья – не понимаю, как это можно вынести... Через десять минут начинается приступ аллергии – здесь еще почище, чем в императорском люксе отеля «Ритц». Помнишь, какая там безвкусица?

* * *

Пенелопа передала китайца и его не слишком любезную переводчицу стажерке, прошедшей выучку на улице Миш-ле, в Институте искусств Сорбонны – пусть покажет им библиотеку, где хранятся подлинные чертежи и планы первого Версаля. Стажерка – вот нахалка! – спросила у китайца, кем он работает. Месье Лу ответил глуховатым голосом, что он создал сеть ресторанов быстрого питания. Он король куриных ножек в кисло-сладком соусе или «с пятью пряностями» в вакуумной упаковке, уточнил он, поклонившись. Студентка, осмелев, говорит, что Версаль – своего рода китайский дракон. Переводчица отвечает, словно в благодарность за комплимент:

– Да нет же, это скорее набор матрешек – Людовик Тринадцатый в Людовике Четырнадцатом, Людовик Четырнадцатый в Людовике Пятнадцатом... Один дворец в другом.

Месье Лу перебивает ее – правда, не уточнив студентке в красном свитере, что во время культурной революции его

жертвами были отнюдь не куры. Он хочет вернуться в настоящий Версаль. Если бы ему в руки попали подлинные документы, он, вероятно, мог бы воссоздать Версаль начала царствования Людовика XIV. Он еще не совсем определился. Ему хотелось бы увидеть как можно больше архитектурных планов. Он ищет самый совершенный план, план идеального Версаля. Он готов отдать за него целое состояние. Пенелопа смотрит, как они исчезают в глубине коридора.

Она также отпустила архитектора, от которого зависит работа фонтанов, и садовника – тот пошел переговорить с полицейскими у фонтана Латоны. Садовник хочет восстановить первоначальную систему водоводов, пускать воду под умеренным напором за счет естественного уклона, как было при Короле-Солнце; архитектор же собирается включить фонтаны на полную мощность насосами, по замкнутому циклу, рискуя отравить воскресную публику вонью и взорвать все через несколько лет. В итоге они без конца спорят.

Пенелопа не испытывает ни малейшего желания идти смотреть на труп. Наверняка самоубийство, такое часто случается в местах, притягивающих туристов. Эйфелева башня даже заключила договор с прессой, чтобы журналисты как можно реже упоминали о самоубийцах.

– Ты бы хотел, Зоран, закончить свою жизнь у фасада Зеркальной галереи, погрузиться в воду вместе с колесницей Аполлона с последними лучами величественного заката?

– А вдруг это убийство?

– Ах, если бы это был кто-то из коллег...

Вдвоем с Зораном они входят в музей через зал Империи, сообщающийся с кабинетами, быстро, не взглянув, шагают мимо «Коронации императрицы Жозефины» Давида и «Битвы при Абукире» барона Гро.

– Отсюда можно попасть в зал охраны королевы, там водится призрак. Один гвардеец погиб в этом зале в октябре тысяча семьсот восемьдесят девятого года, когда толпа ворвалась во дворец. Видишь эту дверь справа от камина?

Через несколько минут и один поворот ключа они оказываются в Малых покоях.

Месье Бонларон, как и подобает хранителю мебели, лежит плашмя на полу. Смотрит. Нежно касается руками в белых перчатках ножек стола. Рядом с ним стоит человек с тряпкой:

– Пенелопа, разрешите представить вам месье Жаре. Вы видите его рабочие принадлежности – он вытирает пыль с нашей мебели. Это мой серый кардинал. Я только что подошел. Бедняга Медар не в себе. С трудом оправился от потрясения, в таком возрасте... Я разрешил ему выпить стаканчик виски в моем кабинете. Он только и твердит: *кровь, кровь...* Вот такие дела. Сходите к нему, пусть сам расскажет.

– Вы знакомы с Зораном Метивье, хранителем из Центра Помпиду?

– Боже мой! *Дада!*

– Дорогой мэтр!

Зоран изображает подобострастие. Иногда, как это свойственно некоторым честолюбцам, он начинает что-то невнятно бормотать себе под нос. Он выходит из соседней комнаты, кабинета «Меридиан», альков которого обит светло-голубым гренадином. Задержался там на минутку полюбоваться пуделями, поддерживающими подлокотники кресел. Затянутые защитным пластиком, они напоминают продукты в вакуумной упаковке. Будто сошли с картин Джеффа Кунса⁵³.

– Моя идея, Пенни, заказать современным художникам произведения для Версаля. Дочь маркиза де Круамарка, эта королева ночного Парижа, уже два года занимается чем-то подобным у себя в поместье Сурлезо. Огромный успех. Аристократы поняли все раньше нас. Нужно реагировать! Вывести Версаль из спячки!

– Версаль испытывает ужас перед современным искусством. Зоран, пройдишь по улицам, посмотри на бархатные обручи для волос, джинсовые юбки-кюлоты ниже колена, платья с запахом, загляни в фамильные особняки с кучей наследников...

– Мадемуазель Брёй права, – вмешивается Бонларон, – у нее наметанный глаз. Мои друзья покупают произведения современного искусства для загородных домов. Знаете, в чем единственное преимущество такого искусства? Стоит

⁵³ *Джефф Кунс* (р. 1955) – современный американский художник, работающий в стиле неопоп, известен своим пристрастием к китчу.

целое состояние, а грабители в нем ничего не смыслят. Я плохо себе представляю, чтобы у нас...

– Вовсе нет, – перебивает его Зоран, который теперь держится увереннее и четче артикулирует слова. – Когда Луи-Филипп посвятил дворец королей «во славу Франции» – так написано на фронтонах ваших двух павильонов в парадном дворе, – он создал гениальнейшую концепцию, народный музей...

– «Концепцию», дорогой вы мой! Для всех простофиль Франции!⁵⁴ Ну ладно, сегодня утром у нас есть другие срочные дела...

– Вы хранитель Версаля, вы судите лишь по семнадцатому и восемнадцатому векам, то есть выполняете только половину работы! Я вами восхищаюсь, уважаю вас, у вас есть чему поучиться, но я хочу, чтобы вы меня выслушали. Версаль – также памятник девятнадцатого и двадцатого веков – да, двадцатого... Луи-Филипп заказывал работы величайшим мастерам своего времени: Делакруа, Верне, Деларошу, современное искусство...

– Не могу с вами не согласиться. Увы, это продолжалось даже дольше. Мы прячем в запасниках полотно Альфреда Ролля в тридцать квадратных метров, на котором изображен президент Карно в тысяча восемьсот восемьдесят девятом

⁵⁴ «Poire» (груша, *фр.*) также значит «простофиля». Это намек на Луи-Филиппа с узким лбом и толстыми щеками: так знаменитые карикатуры Оноре Домье изображали постепенное превращение короля в грушу, отражая падение его популярности.

году у фонтана Нептуна в ознаменование столетия созыва Генеральных штатов...

– Нет смысла продолжать. Нужно отразить в Версале славные победы сегодняшней Франции: Бернара Вене, Жерара Гарусте, Даниэля Бюрена, Маркуса Хансена, Сулажа, Орели Немур, Госсек...⁵⁵

– Госсек умер, когда ему было сто лет! Думаю, наш спор не слишком интересует сегодня месье Бонларона, – пытается снять напряжение Пенелопа.

– Я знаю, что версальские хранители все как один выступают против...

– Мы не выступаем против, мой юный друг, мы работаем в ожидании.

– Я все равно это сделаю. Я хочу... Я вам... На остальное мне наплевать...

– Ну и мне тоже, мы поладим.

– Пенелопа, ты хочешь, чтобы мы позволили «Наследию плюс» и его генеральному директору, этой бездари Делонк-лю, взять дело в свои руки? Частники готовы перехватить у тебя работу и прикарманить прибыль... У меня своя мис-

⁵⁵ Перечислены крупнейшие французские современные художники: *Бернар Вене* (р. 1941) – скульптор-минималист; *Жерар Гарусте* (р. 1946) – живописец; *Даниэль Бюрен* (р. 1938) – концептуалист, автор колонн Пале-Рояль; *Маркус Хансен* (р. 1963) – немецкий художник, работавший в Париже; *Пьер Сулаж* (1919–2022) – крупнейший абстракционист; и *Орели Немур* (1910–2005), работавшая в жанре геометрической абстракции. Из этого перечня выпадает *Франсуа-Жозе Госсек* (1734–1827) – композитор, чьи оперы ставили в Версале.

сия. В один прекрасный день ты установишь мой бюст в зале Крестовых походов!

– Ты видишь себя крестоносцем современного искусства, рыцарем грядущего краха?

– А тебя, Пенелопа, назначили как раз вовремя, чтобы ты могла мне помочь. Ну так что там со столом?

* * *

Стол – это загадка. Его не могли внести сюда ни через окно, ни по лестнице, разве что это сделали те, у кого есть ключи, – хранитель или сотрудник охраны. Чтобы попасть в эту комнату, нужны всего два ключа: универсальный, который есть у всех хранителей, у президента и начальника пожарных, и второй, с этикеткой «Ключ Королевы», – он всегда висит на щитке на посту охраны. Зоран видит, что его легко снять, легко сделать копию. Похож на ключ от шкафа. Универсальный ключ нового образца соответствует современным требованиям. «Ключ Королевы» – ключ XVIII века; похоже, что его отливал сам Людовик XVI.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.